

ЧТО НАМ МОЖЕТ ДАТЬ РОТБАРД?

Вадим НОВИКОВ
старший научный сотрудник АНХ
при Правительстве РФ

Оικονομία • Πολιτικά
• POLITIKA

В 1961 году был написан политический меморандум с говорящим названием «Что делать?»¹, наметивший стратегию возрождения в США идеалов классического либерализма Дж. Локка и Д. Юма, или, в американской терминологии, либертарианства:

«...один аспект ленинской стратегии особенно интересен для нас: он заключается в определении того, что „революционеры“ могут сделать для распространения своих идей — в противоположность стратегиям тех „отклонений от правильной линии“, которые ленинисты называли „левым уклонизмом“ и „правым оппортунизмом“».

Что же из этого следовало?

«Мы должны неуклонно стремиться к продвижению либертарианской мысли, к ее творческому развитию и распространению среди интеллектуалов и со временем — среди „масс“. ...Мы должны работать на «низовом уровне» мысли и действия ради «фабианского» воплощения либертарианских целей... Мы достигнем „единства теории и практики“, сможем преодолеть недостатки оппортунизма, а наши действия станут куда более эффективными, чем действия наших собратьев-уклонистов».

Это не просто оказавшийся весьма успешным политический план либертарианского движения, это личный жизненный план автора меморандума Мюррея Ротбарда (1926—1995), американского политического философа, экономиста австрийской школы, историка и, далеко не в последнюю очередь, неутомимого гражданского активиста.

Послесловие к книге: *Ротбард М.* К новой свободе. М.: Новое издательство, 2009. Печатается с сокращениями.

¹ *Rothbard M.N.* Rothbard's Confidential Memorandum to the Volker Fund «What Is To Be Done?» // *Libertarian Papers*. 2009. Vol. 1. No 3. P. 2—3.

Получивший блестящее образование в области экономики и математики, Ротбард внес многообразный вклад в экономический анализ, в историю экономики и экономической мысли, а также способствовал возрождению австрийской школы экономики. Ротбард на 15 лет превзошел критику кейнсианства с позиции рациональных ожиданий и объяснил стагфляцию; объединив аргументы Л. фон Мизеса и Р. Коуза, он показал, что проблема экономического расчета ставит естественный предел не только для социалистических начинаний, но и для попыток монополизации рынка одной фирмой; показал связь экономических кризисов в США с действиями государства, но при этом продемонстрировал вредность попыток государства исправить свои ошибки политикой стимулирования; описал, как поддержанная Адамом Смитом объективная теория ценности отклонила на столетие экономику с естественного пути субъективной теории, на который ее вновь вернули маржиналисты, — вот лишь некоторые из его достижений.

Как и многие экономисты, Ротбард утверждал, что путем к экономическому процветанию может быть только капитализм, а регулирование — это путь к нищете и уничтожению цивилизации. Но в отличие от многих других вслед за бельгийцем Густавом де Молинали² он настаивал на том, что свободная конкуренция должна заменить существующую государственную монополию и в сфере производства полицейских и судебных услуг, описывая, как могло бы быть устроено их производство на свободном рынке.

Кроме того — и в этом еще одно отличие Ротбарда от его учителя Мизеса и от других экономистов — он не считал экономическую теорию наиболее подходящим способом демонстрации преимуществ либертарианства:

«Попытка убедить кого-либо на утилитарных основаниях может быть встречена пожиманием плечами: „О'кей, ты прав“, — и затем слушатель или читатель идет заниматься своими делами. Но стоит убедить кого-то в твоей точке зрения на основе моральных доводов, он станет твоим активным и преданным сторонником на всю жизнь»³.

В основе моральных доводов, о которых говорит Ротбард, лежит «аксиома неагрессии»: «Ни один человек или группа людей не должны осуществлять агрессию против чьей-либо личности или собственности»⁴. В этой аксиоме легко узнать классическое либеральное утверждение свободы человека и неприкосновенности его прав, в понимании которых Ротбард был очень близок Джону Локку. Одновременно аксиома уточняет и разделяемую многими либералами идею Дж. С. Милля о том, что вмешательство в действия человека допустимо только тогда, когда его действия «вредны другим людям»⁵. Но «вред» — понятие слишком широкое, и не любой вред желательно предотвращать: для торговца вредным может быть открытие конкурентом нового магазина, для ученого — критика его теории, для неудачливого поклонника — замужество любимой девушки. Для Ротбарда единственным вредом, в ответ на который можно применять силу, является применение силы, а это означает, что силу можно применять только для самозащиты.

Впрочем, покушение на чужую жизнь, здоровье или имущество осуждается в любом обществе. Оригинальность Ротбарда заключается не в идее неагрессии, а в том, что он отказался от обычного «двойного стандарта»

² Молинали Г. Производство безопасности // Экономическая политика. 2008. № 3.

³ Rothbard M.N. Introduction to the French Edition of «Ethics of Liberty» // Journal of Libertarian Studies. 1991. Vol. X. No 1. P. 14.

⁴ Ротбард М. К новой свободе. М.: Новое издательство, 2009. С. 31.

⁵ Милль Дж.С. О свободе. N.Y.: Chalidze Publications, 1982. С. 155.

и «спокойно и безо всяких уступок» применил эту норму к людям, действующим от имени государства: изъятие собственности вопреки воле человека является «грабежом», пусть организаторы называют его «налогообложением», а «порабощение» останется таковым, даже если кому-то нравится называть его «воинским призывом» и выполнением «священного долга»⁶. Получается, государство столетиями рутинно осуществляет действия, которые являлись бы преступлением, соверши их «рядовой» человек. Отсюда вывод:

«...если хотите знать, как либертарианцы рассматривают государство и всю его деятельность, думайте о государстве как о банде преступников, и тогда либертарианская позиция окажется простой и логичной»⁷.

Позиция Ротбарда выглядит весьма радикальной сегодня, когда преобладающее в российской юриспруденции течение — позитивизм — убедило большинство в том, что источником права и прав является государственная санкция, а не стоящие выше законов требования справедливости. Однако сам этот взгляд — «право — это любой обеспеченный силой приказ» — на протяжении тысячелетий воспринимался как вызывающее отрицание морали. Так, по мнению Марка Туллия Цицерона, многие вредные и пагубные постановления народов «заслуживают названия закона не больше, чем решения, с общего согласия принятые разбойниками»⁸, а Блаженный Августин писал: «При отсутствии справедливости — что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре... они также представляют собою общества людей, управляются властью начальника, связаны обоюдным соглашением и делят добычу по добровольно установленному закону»⁹.

Нам может показаться, что бесхитростное следование Ротбардом требованиям справедливости непрактично и может помешать достижению людьми более важных целей. Что ж, возможно, и так. Но, во-первых, нам тогда следует честно признать, что как бы ни были важны эти цели, они не меняют существо традиционных способов их получения. Порабощение даже ради защиты родины останется порабощением, а воровство даже для излечения больного — все равно будет воровством. Тяжелые моральные дилеммы нельзя решить путем употребления эвфемизмов.

Во-вторых, следование моральным нормам вопреки другим мотивам, подобно диете, хотя и сложно, но в принципе возможно. Так, холодной зимой 1777—1778 года перед Джорджем Вашингтоном, в то время главнокомандующим континентальной армией, встала серьезная проблема. Оказавшаяся в долине Фордж плохо экипированная десятитысячная армия повстанцев отчаянно нуждалась в еде, однако в ответ на просьбу выслать продовольствие Континентальный конгресс прислал пару советов: быть осторожнее с посылкой гонцов (англичане могут их перехватить) и воровать продовольствие на соседних фермах. Конечно, Вашингтон мог бы решить, что хотя красть в принципе нельзя, но если речь идет о нуждах армии и выигрыше в войне — то все же можно. Однако, будучи убежденным христианином, он не внял совету, заявив, что не собирается ставить в основание государства группу людей, которые воруют у своих земляков. По его мнению, если бы не нашлось лучшей основы, чем эта, американскому

⁶ Ротбард М. К новой свободе. С. 58.

⁷ Там же.

⁸ Цицерон М.Т. О законах // Цицерон. О государстве. О законах. О страсти. О дружбе. Об обязанностях: Речи. Письма. М.: Мысль, 1999. С. 177.

⁹ Блаженный Августин. О граде Божьем. Кн. I—XIII // Августин. Аврелий. Творения. СПб.: Алетейя, 1998. Т. 3. С. 150.

государству вообще не стоило бы появляться¹⁰. И действительно, вовсе не очевидно, что деятельность разбойников можно оправдать, даже если они наряду с грабежом решат предоставлять какие-то ценные услуги.

Но довольно о вопросах, которые актуальны во все времена и во всех странах. Зададимся другим вопросом: что может Ротбард предложить нам сейчас? Перед тем, как ответить на этот вопрос, стоит обозначить две ключевые проблемы сегодняшнего российского общества: как обеспечить экономическое процветание и как сделать государство более гуманным и справедливым? Разные люди имеют различные представления о том, каким образом следует достигать этих целей, но не подлежит сомнению, что цели эти для всех желанные и останутся в числе важнейших еще долгое время.

1. Проблемы экономического развития

Идея справедливости в отношении собственности была существенным элементом взглядов Ротбарда. Эта теория должна была дать обоснование системе прав собственности и тем самым — свободной рыночной экономике. Кроме того, она должна была разрешить еще одну проблему: хотя утилитаристы обычно скептически по отношению к государственному вмешательству, они готовы считать собственником любого, кого таковым в данный момент признает государство¹¹. Если государство пытается отнять собственность у неблагонадежного бизнесмена и передать ее доверенным людям, эти экономисты будут защищать бизнесмена, но если государство все же преуспееет, то эти же экономисты в дальнейшем будут вынуждены защищать вчерашних грабителей, которых теперь государство назвало собственниками. Вместо защиты реальных собственников получается защита установленного государством несправедливого *status quo*.

Именно такова ситуация во многих странах Южной Америки, где потомки завоевателей-конкистадоров претендуют на владение землей, которую возделывают многие поколения крестьян. Разумеется, призывы утилитаристских защитников рынка «уважать частную собственность» не могут впечатлить этих крестьян, поскольку они убеждены — и с очевидными для Ротбарда основаниями — что эта земля и есть их частная собственность¹².

Сопоставляя южноамериканские события с российскими, можно найти повод для оптимизма. Там, где нам сегодня видится исключительно отрицание частной собственности, на деле может обнаружиться лишь отрицание справедливости приобретения имущества многими нынешними его обладателями при принципиальной поддержке самой идеи частной собственности.

Может показаться, что главная проблема в отношениях экономистов и этики состоит в том, что они редко прибегают к этическим аргументам. Однако мысль Ротбарда глубже и во многом противоположна: экономика, и в особенности экономика благосостояния, «буквально напичкана скрытым морализаторством»¹³. Подобно тому как не имеющие экономического образования обыватели на деле всегда пользуются экономическими теориями, только непродуманными и ошибочными, экономисты, зачастую не осознавая этого, выходят за пределы своей компетенции и занимаются морализаторством, используя непродуманные и произвольные этические предпосылки.

¹⁰ Folsom B. How Textbooks Distort American History: Speech given by Burt Folsom at Conservative University, 2001. www.academia.org/lectures/folsom1.html.

¹¹ Rothbard M.N. Justice and Property Rights // Rothbard M.N. The Logic of Action. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 1997. Vol. 1. P. 276.

¹² Ibid. P. 292.

¹³ Ротбард М. Власть и рынок. Челябинск: Социум, 2002. С. 391.

Одним из примеров неявного морализаторства экономистов являются для Ротбарда их выступления в пользу экономического роста и ведущих к нему мер¹⁴. Делая это, экономисты выходят за пределы ценностно-нейтральной науки, которая всего лишь объясняет последствия различных действий, но не говорит, что человек должен ценить и к чему стремиться. Последнее — прерогатива этики.

Ротбард показывает, что поскольку «экономический рост» является отношением будущих жизненных стандартов к нынешним и поскольку рост будущих стандартов требует сбережений и инвестиций, то есть временного отказа от удовлетворения нынешних потребностей, то экономический рост не является безусловным благом: чем он больше, тем лучше. Иначе почему бы мы должны довольствоваться 5-процентным ростом, а не «затянуть пояса» и достичь роста в 50%? На полностью свободном рынке каждый человек выбирал бы для себя наиболее устраивающее его соотношение между текущими и будущим потреблением (сбережениями). Не исключено даже, что некто мог бы разумно предпочесть росту спад, то есть преобладание текущего потребления над будущим. Но раз так, то государственная политика ускорения роста, направленная на принуждение людей к сбережениям и инвестициям или к изъятию их денег для осуществления государственных инвестиций, не повышает, а понижает уровень жизни. Но почему необходимо принуждать людей жертвовать одной ценностью ради другой? Не лучше ли «приватизировать» экономический рост? Если такая причина и существует, то ее нельзя найти в ценностно-нейтральной экономической науке. Ее можно искать только в области этики, но экономисты обычно не берут на себя этот труд и силой перекладывают «свои этические взгляды на других членов общества».

Даже если не соглашаться с этическими взглядами самого Ротбарда, едва ли можно отрицать наличие поставленной им проблемы: в основе любого высказывания о желательной экономической политике лежит этическое суждение, а раз так, то оно, как и утверждения экономической теории, должно иметь серьезное обоснование. Возможно, эта идея не предоставляет немедленного списка требующихся реформ, зато выдвигает условие «достаточного этического основания», без выполнения которого благонамеренные инициативы преобразований остаются произвольными личными фантазиями и подлежат выбраковке.

2. Справедливое государство

Вклад России в мировую политическую философию весьма необычен. Мировой известности *в качестве теоретиков* добились, пожалуй, лишь анархисты — Петр Кропоткин, Михаил Бакунин, а также (в меньшей степени) Лев Толстой. Ссылки на других авторов можно встретить весьма редко. В известной своим этатизмом стране это выглядит парадоксом, но противоречие здесь мнимое. На протяжении веков российская действительность давала мало оснований для реализации идеи использовать государство для каких-либо полезных целей, которую разделяли многие либералы.

Многие идеи анархистов легко воспримет и российская интеллигенция, да и вообще любой живущий в России. Едва ли можно считать присущими исключительно анархистам многие соображения П. Кропоткина, такие как: «от колыбели до могилы мы все время в тисках» государства; нет отрасли государственной деятельности, «которою бы не возмущались все, имеющие к ней

¹⁴ Rothbard M.N. Man, Economy, and State (with Power and Market). Auburn, Alabama: Ludwig von Mises Institute, 2004. P. 962.

прикосновение» и в которой «государство, после многих веков существования и работы, не показало бы полной своей несостоятельности»; государство, призванное «быть защитником слабых против сильных» является «оплотом богатых против эксплуатируемых»¹⁵; наше воспитание «убивает в нас всякое стремление к свободе и самостоятельности» и «вместо того, чтобы самим преобразовывать все, признанное негодным», у нас привыкли требовать издания закона: «стала ли непроходимой дорога между двумя деревьями, — крестьянин требует закона о проселочных дорогах. Обошелся ли грубо с кем-нибудь лесной сторож, оскорбленный требует издания закона, предписывающего вежливость лесным сторожам»¹⁶. С некоторыми различиями в стилистике их мог бы написать и современный российский коммунист, и либерал, и даже консерватор.

В этом смысле Ротбард — очень русский по духу автор: темы несостоятельности государства во всех областях его деятельности и аморальности государства являются для него не побочными соображениями, а стержнем большинства его работ. Как и для русских анархистов, для Ротбарда его собственное государство оказалось важным «вдохновителем», хотя и по несколько иным причинам:

«Либертарианец в высшей степени реалистичен, потому что только он один в полной мере понимает природу государства и его властолюбия. Настоящим непрактичным утопистом является, скорее, выглядящий реалистом консерватор, верящий в «ограниченное правительство». Консерватор продолжает твердить, что полномочия центрального правительства должны быть строго ограничены конституцией. Неустанно сетуя на искажение первоначальной Конституции и на расширение федеральной власти после 1789 года, он не способен извлечь правильные уроки из этого перерождения. Идея строго ограниченного конституционного правительства была замечательным экспериментом, но он провалился даже при очень благоприятных обстоятельствах. Но какие тогда есть основания рассчитывать, что другой подобный эксперимент не будет ждать та же судьба? Нет, по-настоящему непрактичным утопистом является именно консервативный сторонник экономической свободы, человек, который наделяет центральное правительство силой и правом принимать решения, а потом говорит: „Держи себя в рамках!“»¹⁷.

Но если эксперимент создания ограниченного правительства провалился при очень благоприятных обстоятельствах в США, тем более сложно поверить в его успех в современной России. Для Ротбарда утопизм любых подобных предложений очевиден:

«Представим, что мы начинаем все буквально с нуля, что нас миллионы и что мы, обладая достаточным уровнем знания и опыта, попали на Землю с какой-то другой планеты. Начинается спор о том, как организовать защиту (суд и полицию). Кто-то предлагает: „Давайте отдадим все наше оружие Джо Джонсу и его родне. Пусть они разрешают все споры между нами. Тогда Джонсы смогут защитить всех нас от агрессии и мошенничества. Когда Джонсы смогут принимать окончательные решения по всевозможным спорам, мы будем защищены друг от друга. А еще нужно разрешить Джонсам получать доход за свои ценные услуги с помощью их оружия — пусть с помощью принуждения добывают столько, сколько захочется“. Очевидно, что в ситуации такого рода подобное предложение будет дружно осмеяно. Ведь каждый поймет, что при этом раскладе никто из нас не сможет защитить себя от агрессии или хищничества самих Джонсов»¹⁸.

¹⁵ Кротошкин П.А. Разложение государства // Кротошкин П.А. Речи бунтовщика. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 6—7.

¹⁶ Кротошкин П.А. Закон и власть // Там же. С. 108.

¹⁷ Ротбард М. К новой свободе. С. 341.

¹⁸ Там же. С. 83.

Но если у государства много недостатков, это не означает, что у анархии их окажется меньше или что она будет хоть сколь-нибудь работоспособна. Здесь Ротбард обращается к наблюдению, которое хорошо знакомо теоретикам международных отношений на протяжении не одного столетия:

«мы живем, да и всегда жили в мире „международной анархии“, в мире склонных к насилию национальных государств, не сдерживаемых никаким международным правительством»¹⁹. (Ср. Д. Локк: «Все государи и правители независимых государств во всем мире находятся в естественном состоянии»²⁰.)

Получается, что по отношению друг к другу государства уже находятся в состоянии анархии и это не порождает войны всех против всех. Не разумно ли тогда предположить, что подобно тому, как сегодняшние государства достаточно мирно сосуществуют в отсутствие мирового правительства, смогут сосуществовать без национальных правительств отдельные части нынешних государств? И так далее, вплоть до отдельных людей и их добровольных объединений? В таком мире, по мнению Ротбарда, на месте государственной монополии на правоохрану возникли бы конкурирующие поставщики охранных и судебных услуг.

Аргументы Ротбарда в пользу либеральной версии анархизма («анархо-капитализма»), которые он высказывал в книгах «К новой свободе» и «Этика свободы», оказали значимое влияние на либертарианское движение в США и, в частности, на Либертарианскую партию (возможно, самую крупную из «альтернативных» партий, но все равно небольшую). Благодаря Ротбарду анархизм перестал быть *enfant terrible* у политических философов. Этот статус дала анархизму ставшая классической работа Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия», написать которую, по словам автора, его побудил «долгий разговор с Мюрреем Ротбардом»²¹.

Понять потенциальную философскую привлекательность анархизма несложно, если учесть, что «анархизм является для политических авторитетов тем, чем является атеизм для религиозных, а скептицизм — для научных»²². Философский анархизм (это устоявшийся термин) отказывается от идеи, что у людей есть универсальная моральная обязанность выполнять законы — приказы государства — независимо от их содержания и иных обстоятельств. «Государство» — это просто одно из множества человеческих объединений, и сложно обосновать, почему приказы российского государства должны иметь большую моральную силу, чем, скажем, указания католической церкви, «Газпрома» или правительства любого другого государства, и почему для их реализации государство имеет право применять насилие — право, отсутствующее у других объединений.

Свобода у Ротбарда это вовсе не «вседозволенность». Наоборот, она основана на необычайно последовательной защите права и прав человека, в чем в России никогда не усердствовали даже либералы.

В начале прошлого века известный юрист Б. Кистяковский писал: «Русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности»²³, отдавая предпочтение нравственности, научной истине и религиозным соображениям. С тех пор немного изменилось. Хотя мало кто из

¹⁹ Ротбард М. К новой свободе. С. 248.

²⁰ Локк Дж. Два трактата о правлении. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. С. 225.

²¹ Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 17.

²² Sylvan R., Sparrow R. Anarchism // A Companion to Contemporary Political Philosophy / R.E. Gordon, P. Pettit, T. Pogge (eds.). Malden, MA: Blackwell, 2007. P. 258.

²³ Кистяковский Б.А. В защиту права // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1999. С. 361.

российских либералов поддержал бы законодательную дискриминацию по признаку пола, национальности или социальной принадлежности, едва ли среди них найдется тот, кто выступит против дискриминации «монополистов», которых антимонопольный закон лишает права, имеющегося у всех других собственников, — права устанавливать цену и определять другие условия продажи своего товара. В столкновении целесообразности с правами собственности целесообразность легко выигрывает, и это принципиальный порок либерального мировоззрения.

Не так сложно выступать за права человека, свободу и собственность, если это популярно, способствует наивысшему развитию морали и к тому же ведет к процветанию. Но если некто при столкновении прав с популярностью, моралью или процветанием предпочитает последние, то именно они и являются его высшими принципами и только они на практике определяют его поведение. Увы, различные ценности зачастую противоречат друг другу, и если нам не близко право в качестве высшей ценности, если в каждом отдельном случае мы готовы оценивать его при помощи некоторого критерия, то мы не избегаем морального выбора, а делаем его: в пользу этого критерия как высшей ценности.

И тут Ротбард позволяет увидеть в новом свете волнующие многих в России проблемы бесправия и несправедливости: эти проблемы — наших рук дело. Если мы не ставим права и справедливость во главу угла, то мы их и не получаем.

Но что делать, если мы уже «за права»? Здесь и возникает обозначенная Ротбардом в меморандуме «Что делать» необходимость среднего пути между «уклонизмом» (оно же «сектанство») и «оппортунизмом». Сектанты, «осуждая любое постепенное продвижение к цели... делают невозможным достижение цели даже в самом отдаленном будущем». Позиция сектанта в чем-то благородна, но все же неэффективна и опасна для нормального развития идей. Мэйнстрим обычно игнорирует сектанта, и тот, как пишет Дэн Кляйн, в ущерб для себя лишается «интеллектуальных сдержек и дисциплины, налаженных друг на друга в диалоге критиками и оппонентами»²⁴.

Другая опасность — «оппортунизм». Оппортунисты сосредотачиваются на строго постепенных и «достижимых» целях, которые имеют «шанс быть немедленно понятными», но, «сконцентрировавшись на ближайшей цели», помогают «ликвидировать конечную цель» и базу своей поддержки: «Кто, скажите, пойдет на баррикады за двухпроцентное снижение налогов?»²⁵.

Если в России имена либеральных сектантов, верно или ошибочно, смогут назвать только самые внимательные политические наблюдатели, то нарисованный Ротбардом образ оппортуниста легче узнаваем:

«Гринспен готов высказаться в пользу золотого стандарта только в том случае, если будут соблюдены все остальные условия: бюджет сбалансирован, торговля свободна, проблема инфляции решена, все исповедуют правильную философию и т. д. Точно так же он мог бы сказать, что поощряет свободную торговлю только в том случае, если будут соблюдены все необходимые условия: сбалансированный бюджет, слабые профсоюзы, наличие золотого стандарта, правильная философия и пр. Иными словами, его „высокие философские принципы“ никогда не будут применены им на практике»²⁶.

²⁴ Klein D. Mere Libertarianism: Blending Hayek and Rothbard // Reason Paper. 2004. Vol. 27. P. 36.

²⁵ Ротбард М. К новой свободе. С. 338.

²⁶ Ротбард М. Алан Гринспен: особое мнение // Маэстро бума. Уроки Японии. Челябинск: Социум, 2003. С. 14.

Идеал Ротбарда — человек, который в любой момент «готов нажать на... гипотетическую кнопку, которая мгновенно ликвидировала бы все поползновения на свободу», пусть он прекрасно знает, что в реальности такой кнопки нет и едва ли полная свобода когда-нибудь сможет возникнуть вдруг, в результате однократного усилия²⁷. Если человек не готов нажать на кнопку — аналог волшебной палочки — в лишенной практических затруднений ситуации, значит восстановление справедливости не является для него приоритетным. «Вы только представьте, — пишет Ротбард — что борец за отмену рабства сказал: «Я требую отмены рабства — но только через десять лет»²⁸. Ведь тем самым предполагается, что было бы *неправильно* отменить рабство через восемь или девять лет, не говоря уже о том, чтобы сделать это *немедленно*, а потому *лучше*, чтобы оно длилось чуть дольше... И для аболициониста и для либертарианца это означало бы, что они выступают за *продление* преступного и несправедливого режима».

Российская элита традиционно отдает должное свободе и признаёт, что она, *в принципе*, лучше несвободы. Однако немедленно нажимать на имеющиеся у нее кнопки и приносить свободу в те или иные сферы жизнедеятельности отказывается — ссылаясь на соображения безопасности, национальные особенности и текущий момент. Нередко эти же соображения оправдывают дальнейшее временное (разумеется!) ограничение свободы, и это вечное пребывание в кабале многим также представляется чем-то вроде русской национальной особенности.

Если политический анализ американца Ротбарда должен сообщить русским что-то важное, то, вероятно, это то, что происходящее — не национальная особенность русского народа, а универсальная особенность правительств: требовать от них самоограничения — это утопия. Полномочия правительств почти всех стран, подобно Вселенной в представлениях многих астрофизиков, неуклонно расширяются. И когда мы ищем свободу для своей страны в следовании зарубежному опыту, то есть в практике западных правительств, или в членстве в созданных этими правительствами международных организациях, мы подписываемся на несвободу в рассрочку.

Заключение

На прощальном банкете конференции в Польше, которую Ротбард посетил в марте 1986 года, самым волнующим для него моментом стал тост английского социолога, который поблагодарил польских хозяев и поднял бокал за «свободную, суверенную и католическую Польшу». Каждый понял его мысль правильно, и все, включая протестантов, неверующих и приставленного к ученым государственного агента, с энтузиазмом подняли за это свои бокалы²⁹. Думаю, если теперь читатель представит, что означает свобода лично для него, ему стоит поверить, что Ротбард поднял бы свой бокал и за возможность воплотить его устремления. И это, возможно, самый важный урок Ротбарда — свобода может быть только там, где люди готовы дать шанс даже тому, с чем, возможно, они сами не согласны.

²⁷ Ротбард М. К новой свободе. С. 339.

²⁸ Там же. С. 339—340.

²⁹ Rothbard M.N. A Trip to Poland // Making Economic Sense. Auburn, AL: Mises Institute, 1995. mises.org/econsense/ch94.asp.